

Научная статья

УДК 82.091

DOI 10.17223/18137083/79/8

**Русская и английская литературные традиции
и поэтика комического
в «английских» повестях Е. И. Замятина**

Дмитрий Леонидович Быстренков

Томский государственный университет
Томск, Россия

inkisback@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0653-8245>

Аннотация

Исследуется творчество Е. И. Замятина, в частности роль комического в произведениях автора. Изучается влияние, оказанное русской и английской литературными традициями на создание Замятиным сатирического и иронического текста. Рассматривается, как в творчестве автора с помощью комических приемов обличаются пороки современного ему общества, государства, системы. Изучается подход Замятина к созданию комического в тексте, отмечаются особенности влияния национального колорита России и Англии на формирование автором сюжета, персонажей и юмористических аспектов произведения. В качестве одной из составляющих комического в текстах Евгения Замятина рассматривается классическая русская литература и традиции, заложенные Гоголем и Салтыковым-Щедриным. Намечается связь творчества Замятина с нонсенсом – литературным направлением, зародившимся в Англии.

Ключевые слова

Замятин, «английские» повести, роман «Мы», поэтика комического, сатира, ирония

Для цитирования

Быстренков Д. Л. Русская и английская литературные традиции и поэтика комического в «английских» повестях Е. И. Замятина // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 106–117. DOI 10.17223/18137083/79/8

© Быстренков Д. Л., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 106–117

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 106–117

Russian and English literary traditions and the poetics of comic elements in the “English” stories of Evgeny Zamyatin

Dmitry L. Bystrenkov

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation
inkisback@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0653-8245>

Abstract

The paper aims to show how the Russian and English literary traditions influenced the way of creating satirical and ironic text by analyzing the poetics of the comic elements in the stories “Ostrovityane” (The Islanders) and “Lovets chelovekov” (The Fisher of Men) by Evgeny Zamyatin. The analysis has revealed the dystopian text in world literature to be closely related to humor, with this relation being particularly apparent in the English stories of Evgeny Zamyatin, the latter having interconnections with the literature of nonsense. It is for this reason that a dystopian text, representing an anti-genre (with humor, irony, and parody in the foreground), can be considered a reaction to a utopian one, or it can be regarded as a unique phenomenon, not restricted to the negation of the utopian tradition. The latter case highlights the problems of human nature, the propensity to move along a spiral trajectory, according to which forward movement occurs not without destroying the old foundations and returning to something even more ancient, forgotten. This movement is seen to be infinite, there being no way to stop at one point and create something perfect, unchanging and finite. The problem of the humor in Zamyatin’s work has an obvious research perspective. Future research is expected to extend knowledge of early 20th-century Russian-English literary connections and develop an understanding of the English literature influence (in particular, nonsense) on the mature work of the Russian writer and the formation of a dystopia of the 20th century as a genre.

Keywords

Zamyatin, “English” stories, the story “We”, poetics of the comic elements, satire, irony

For citation

Bystrenkov D. L. Russian and English literary traditions and the poetics of comic elements in the English stories of Evgeny Zamyatin. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 106–117. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/8

Комическое как таковое у Е. И. Замятина собирается из двух важнейших для его авторского языка элементов: сатиры и иронии. Как правило, именно сатира в его произведениях выдвинута на первый план. В пример можно привести главный роман автора. При создании антиутопического мира сатирический язык Е. И. Замятина остается уникальным. Русский писатель открыл европейской литературе путь к традиционной классической антиутопии, но его роман всё же остался особенным. Н. Фрай в работе, посвященной антиутопиям, выделяет именно те, что написаны в традиции Е. И. Замятина: «Есть и другие типы утопической сатиры, о которых мы расскажем чуть позже, но этот особый вид является продуктом современного технологического общества, с его всё расширяющимся чувством того, что весь мир обречен на одну и ту же социальную судьбу, и негде спрятаться, рост осознания того, что технология движется к контролю не только природы, но и деятельности разума»¹ [Frye, 1965, p. 323]. Когда роман Е. И. Замятина будет

¹ Здесь и далее перевод наш. – Д. Б.

опубликован на русском языке, и русские исследователи присоединятся к этой мысли.

Зрелое творчество автора неразрывно связано с обличением пороков современного ему общества, государства, системы. Уже в повести «Уездное» 1912 г. видно, насколько деликатно Замятин подходит к поставленной задаче: «В рассказе Замятина, как в древнерусских сатирических произведениях, создается смеховая ситуация внутри повествования. Сложившаяся в веках система исконного жителя с ее формулами-знаками, реализованная у Замятина, служит для “узнавания” жанра и придания смехового значения» [Жукова, 2008, с. 104]. Данное упоминание необходимо для формирования представления о том, как автор знаменитой русской антиутопии вовлекает читателя в мир его произведения, имеющий, как правило, несколько уровней «погружения». На примере «английских» повестей это выглядит так: в тексте, написанном об Англии и англичанах, не только используется английское пространство, английские персонажи, но и воспроизводится английский характер и, что более важно, используется английская литературная традиция.

Английская привязка творчества Замятина уже неоднократно рассматривалась исследователями как на родине автора, так и за рубежом. Цель данной работы – проанализировать образы из «английских» повестей Замятина и исследовать специфику поэтики комического в этих произведениях.

Материалом исследования послужили повести Е. И. Замятина «Островитяне» и «Ловец человеков», а также нехудожественные тексты автора. Творчество Г. Уэллса и поэзия Э. Лира рассмотрены в качестве явлений, оказавших значительное влияние на «английские» повести русского писателя и на его роман-антиутопию «Мы».

В работе используются следующие методы исследования: сравнительный, герменевтический, структурный, биографический.

Отношение Е. И. Замятина к Англии и англичанам сформировалось во время его командировки. Настроение автора в этот период отражено в его нехудожественных текстах (письмах и записных книжках). Его первое письмо жене наполнено мрачной атмосферой и образами, которые будут использованы впоследствии в романе «Мы»: «Все улицы, все жилые дома – одинаковые, понимаете – совершенно одинаковые, как амбары хлебные в Питере возле Александро-Невской лавры. Когда мы ехали мимо, я спросил: это у вас что за склады? – Это жилые дома... На другой день оказалось возможным уехать в Лондон; езды часов 6. И мимо мелькают те же амбарные города, одинаковые, стриженные под нулевой номер» [Гольдт, 1996, с. 196].

Само творчество Замятина глубоко связано с английской литературой и с британской культурой вообще. Антиутопическая мысль русского прозаика учитывает художественный опыт Г. Уэллса. Евгений Замятин значительное время прожил в Англии, это отражено в ряде «английских» произведений автора. Многие социально-философские обобщения Замятина о природе современного европейского человека в романе «Мы» продолжают идеи «английского» цикла, т. е. русский писатель создавал свои произведения в активном творческом диалоге с британской литературой.

Наиболее очевидная точка соприкосновения Е. И. Замятина с английской литературной традицией – это именно влияние на его творчество английского писателя Г. Уэллса. Об увлечении Е. И. Замятина творчеством англичанина свидетельствуют переводы («The Undying Fire» – роман Уэллса «Неугасимый огонь» (1918)

был издан в переводе Замятина в Петрограде в 1922 г.) и ряд статей об авторе, а также предисловия к изданиям на русском языке (О романе «Машина времени». Вступительная статья к книге Г. Уэллса «Машина времени», 1920 г.; «Война в воздухе». Предисловие к книге: Уэллс Г. Избранные сочинения. Том 9. «Война в воздухе», 1919 г.; Г. Д. Уэллс. Вступительная статья к роману Г. Уэллса «Машина времени», 1920 г.; «Неугасимый огонь» Предисловие к роману Г. Уэллса «Неугасимый огонь», 1922 г.; «Невидимка». Предисловие к роману Г. Уэллса «Невидимка», 1922 г.).

Помимо этого, когда в 1920 г. Г. Уэллс приезжает в Россию во второй раз и встречается с русскими писателями («Петербургские писатели и журналисты принимали Уэллса в Доме искусств. Наскоро сорганизованный обед превратился в торжественное чествование английского гостя с целым рядом речей» [Замятин, 2010, с. 378]), Замятин пишет об этом статью «Уэллс», в которой подчеркивает слова гостя о ситуации в стране, которую он посетил, слова, в которых отражается один из важнейших мотивов антиутопических романов, а именно утрата книги в широком понимании этого слова: «Русский писатель живет сейчас в стране, где – будем надеяться, не навсегда – почти нет литературы и книги; об этом трудно забыть. И оттого сквозь мажор приветствий в иных речах ясно слышалась горечь» [Там же].

О рецепции творчества Г. Уэллса в произведениях Е. И. Замятина не раз упоминалось в исследовательских работах, в частности в статье Н. В. Аксёновой и М. А. Хатямовой сказано следующее: «Итак, статьи Е. И. Замятина о Г. Уэллсе выполняют две задачи. Во-первых, Замятин творит свой миф об Уэллсе, который оказывается воплощением “идеального англичанина”, носителем свободного европейского мироощущения; осмысленное, сосредоточенно-научное и одновременно духовно-нравственное, гуманистически устремленное в будущее существование которого воплотилось в его книгах. Во-вторых, это миф эстетический, он структурируется из важных для Замятина начала 1920-х годов идей и категорий: литература есть миф о мире, причем современен сциентистский миф, ирония и знание быта, повседневной жизни – необходимые составляющие этого мифа, синтез фантастики и быта, фабульность (сюжетность, событийность) литературы – это ее будущее, обусловленное потребностью фантастического времени. Творчество выдающегося английского писателя становится не только объектом рецепции как чужой культурный феномен, но и материалом для авторской эстетической рефлексии» [Аксёнова, Хатямова, 2014, с. 124]. Действительно, Е. И. Замятин в статье «О сюжете и фабуле» говорит о том, что современный ему читатель нуждается в «интересной фабуле». Такие идеи возникли у него не без влияния мастера создания фантастических произведений – Г. Уэллса. Тем не менее, на текст Замятина оказали влияние не только присущие Уэллсу особенности построения произведений таким образом, чтобы заинтересовать читателя, но и некоторые мотивы и образы, ставшие впоследствии классическими для романа-антиутопии.

К примерам образов, созданных Г. Уэллсом и повлиявших на развитие антиутопического текста, можно отнести образ единого государства. Государство, стремящееся объединить людей всей планеты, возникшее после грандиозного военного столкновения прошлых лет, – это и есть «Единое государство» из замятинского «Мы», но такая же, возникшая после войны держава есть и в романе «Освобожденный мир» 1914 г. за авторством Г. Уэллса, и называется там «Всемирное государство». Позже Дж. Оруэлл разовьет эту идею с присущим ему стгу-

шением красок. Мир в его «1984» разделен на несколько сверхдержав, непрерывно ведущих войну друг с другом. Другим значимым образом является «Зеленый Фарфоровый Дворец» из романа «Машина времени» Г. Уэллса. Он послужил источником вдохновения не только для образа мира за зеленой стеной, но и для воплощения в мире романов-антиутопий мест, связанных со «старой жизнью», с прошлыми, забытыми вещами, часто иррациональными. Это и «Старый Дом» в романе «Мы», и поселение дикарей в антиутопии О. Хаксли, и второй этаж лавки старьевщика в «1984».

Подход Е. И. Замятина к созданию своих произведений характеризуется глубоким погружением автора в ту среду, которая, согласно его концепции, должна быть отражена в произведении. Хорошим примером данного подхода служит описанная автором в статье «Закулисы» подготовка к созданию пьесы «Блоха»: «Приходится держать строгую диету – читать только книги, не выходящие из круга определенных идей или определенной эпохи. Помню, что для “Блохи” этот период продолжался месяца четыре, не меньше» [Замятин, 2004, с. 191]. Повесть «Уездное» 1912 г. создается Замятиным в диалоге с русской народной культурой: «Лубочная тематика довольно мягко вплетается в повествование, растворяется в нем на всех уровнях текста» [Жукова, 2008, с. 101]. Необходимо также упомянуть, что Замятин использует свое вдохновение русской балаганной культурой для написания повести «На куличках» 1913 г.: «Балагурная потеха представлена также в повести “На куличках” в главе “Пир на весь мир”, в самом названии которой отражен “утопический карнавалльно-масленичный мотив”, связанный с комизмом еды как проявления материально-телесного начала» [Полякова, 2009, с. 161]. В том же ключе происходит и работа над «английскими» повестями, при этом погружение в английское пространство автор совершает непосредственно.

Говоря о специфике комического, в первую очередь необходимо рассмотреть использование Замятиным иронии. Ирония, по словам Шеллинга, это – «единственная форма, в которой то, что исходит или должно исходить от субъекта, самым определенным образом от него отделяется и объективируется» [Шеллинг, 1966, с. 382]. Повесть «Островитяне» пропитана иронией. Произведение состоит из 16 частей, каждая со своим говорящим названием. Название первой части – «Иностранное тело», этим иностранным телом является главный герой повести – Кембл, сбитый автомобилем рядом с домом викария Дьюли, который вынужден приютить у себя Кембла до выздоровления, что ломает все планы викария, а самое главное, никак не вписывается в расписание. Так роль субъекта объективируется, превращая его самого в иностранное тело, случайно попавшее в чуждую среду (дом викария). В образе Кембла постоянно присутствует квадрат: «громадные квадратные башмаки», «квадратные мертвые подошвы», «квадратный подбородок». Говорит же Кембл с «квадратной уверенностью». Даже в его сознании присутствует этот образ: «Там, в квадратных коробочках, были разложены известные ему предметы, и в одной, заветной, вместе лежали: Бог, британская нация, адрес портного и будущая жена – миссис Кембл – похожая на портрет матери Кембла в молодости. Всё это были именно предметы, непреложные, твердые» [Замятин, 2003, с. 415]. И здесь в том же ключе «квадратность» характера, способа мышления героя отражается в его «квадратной» внешности. В дополнение к этому русский автор в этой ситуации явно ссылается на английскую идиому: «to be on square» – действовать и говорить честно, не скрывая информации. Данная фигура речи точно описывает персонажа, который не в состоянии распознать ложь:

«– Вранье? – Кембл сбился безнадежно. – Вранье? – Это было непонятное, ни в шутку, ни вправду – просто вообще непонятное, ну как может быть непонятна, непредставима бесконечность вселенной. Кембл стоял убитый» [Замятин, 2003, с. 401]. В романе «Мы», являющемся не только вершиной творчества автора, но и, безусловно, наследником «английских» текстов, каждый член общества стал подобным Кемблу. Выражает общественное сознание в романе главный герой – Д-503, он описывает квадратную гармонию серо-голубых шеренг, заполонивших утром улицы единого государства. А уже в пятой записи своего дневника-романа инженер сам сравнивает себя с квадратом: «Вот и я всё время в этом квадратном положении» [Там же, с. 224].

Следующим важнейшим элементом смеховой модели Е. И. Замятина является сатира. Рассмотрим это проявление комического в повести «Ловец человеков». Исходя из того, что «формула сатирического модуса художественности – недостаточность внутренней данности бытия (“я”) относительно его внешней заданности (ролевой границы)» [Теория литературы, 2004, с. 59], рассмотрим персонажей повести. В повести «Ловец человеков» присутствуют всё те же, знакомые по «Островитянам» английские образы, а само произведение возникло из рассказа одного англичанина о том, что в Лондоне есть люди, живущие очень странной профессией – ловлей любовников в парках. Главный герой произведения – Мистер Краггс – как раз этим и занимается. Описание дома его семьи напоминает и о «квадратности» Кембла, и о прозрачных, стерильных домах из романа «Мы». Здесь же присутствует и религиозный подтекст, знакомый нам по «Островитянам» и «Мы», ведь Краггс «был одним из добровольных апостолов Общества Борьбы с Пороком». В эпизоде с ловлей любовников в парке Краггс предстает вершителем судеб, подобно Благодетелю из романа «Мы», его громадная крабовая клешня хватает и, как огромные ладони Благодетеля, одним движением может разрушить жизнь человека. Даже пойманная леди Яблоко чувствует в нем власть над собой: «– О, вы такой... милосердный... как Бог» [Замятин, 2003, с. 496]. Ролевая претензия ловца – великий судья, его я – это человек, охотящийся на беззащитных с целью личной выгоды. Шеллинг предлагает разделять сатиру на серьезную и комическую: «Если серьезная сатира бичует порок, в особенности порок дерзкий и опирающийся на силу, то комическая сатира, напротив, должна, насколько возможно, снять с изображаемых объектов и вину, и заслугу, должна стремиться представить их совершенно безвольными, каковы сатиры и фавны» [Шеллинг, 1966, с. 374]. В замятинском тексте мы видим проявление как серьезной сатиры в случае с Краггсом, которого автор обличает за его жадность, мелочность, строгое следование по одному и тому же маршруту изо дня в день, так и комической сатиры в случае с леди Яблоко – наивной и несчастной, попавшей в глупое положение. В романе «Мы» Замятин продолжит развитие этих образов, его сатира будет направлена на единое государство, Благодетеля, общество, а в роли безвольных сатириков и фавнов выступят члены этого общества – нумера.

Начало XX в., время, когда Е. И. Замятин творил свои главные произведения, – это время серьезных перемен, глобальных потрясений. Не удивительно, что множество писателей принялись говорить о злободневных темах, стараться обличить власть, раскритиковать государственный аппарат, создаваемый в советской России, где человек стал винтиком огромного, ужасающего механизма, несущегося на всех парах вперед. Естественно, автор романа «Мы» не одинок в своем желании обличить современное ему общество, указать на грандиозные заблуждения. Среди известных сатириков того времени стоит упомянуть М. А. Булгакова, кото-

рый в повести «Дьяволиада» представляет бюрократический механизм как что-то inferнальное, но упомянуть стоит лишь затем, чтобы показать, чем же выделяется Евгений Замятин. Русские писатели XX в. продолжают великую литературную традицию, в области смехового и сатирического они идут по стопам М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. В. Гоголя, но современники Замятина не зря зовут его «англичанин», он привносит в свой текст нечто инородное.

Говоря о том, какие особенности Замятин привносит в русскую литературу XX в., необходимо упомянуть способность русского писателя улавливать уникальную ироническую окраску определенного литературного произведения или индивидуальный подход автора. Например, в статье «Zamyatins Reception of Wells Fiction» Н. В. Аксёновой и М. А. Хатямовой авторы подмечают, что «как мастер иронии Замятин не может не заметить нестандартный и ироничный склад ума Уэллса» [Aksenova, Khatyamova, 2017, p. 3]. В той же статье говорится о том, что Замятин подмечает и более важную, в контексте данной работы, особенность уэллсовских произведений: «В конечном счете, оценка Замятиным реалистических романов Уэллса парадоксальна. Признавая их сильную зависимость от британской литературной традиции, он, тем не менее, отмечает, что “архитектор, построивший воздушные замки научных сказок, и архитектор, построивший шестизэтажные каменные громады бытовых романов, – один и тот же Уэллс”» [Ibid., p. 7]. Эта парадоксальность, замеченная русским писателем, является важнейшим элементом, на котором строится его собственная, замятинская, ирония, занимающая центральное положение в «английских» повестях и в романе «Мы». Связь этого влияния с английской литературой гораздо глубже, чем просто рецепция романов Г. Уэллса. Искания Замятина в области иронии и абсурда приводят к столкновению с особенным английским литературным течением, речь о котором пойдет далее.

В сущности, юмор Е. И. Замятина продолжает традиции классической русской литературы. Гротеск и зооморфизм, играющие важную роль в смеховой составляющей произведений Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, присущи и работам Замятина. Об использовании этих приемов в повести «Алатырь» пишет И. М. Попова в работе «Литературные знаки и коды в прозе Е. И. Замятина: функции, семантика, способы воплощения» [2003]. В произведении, посвященном русской глубинке, Замятин использует приемы классиков русской литературы (Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Лескова). С помощью этих приемов формируется неповторимый колорит русской глубинки с юмором, присущим только этому месту. Важным для Евгения Замятина становится не сам прием, а стилизация этого приема. В его работах образ неразрывно связан с местом, о котором он пишет, и с местом, где он пишет. Образ продолжает сюжет произведения, дополняет стилизацию. Описанный выше пример зооморфизма из повести «Островитяне» является хорошей иллюстрацией такого подхода. Персонаж произведения напоминает именно краба (хотя, согласно его роли в повести, он мог быть охотничьей собакой, коршуном и т. д.) потому, что это связывает персонажа с сюжетом произведения (действие происходит на пляже) и с Англией, где работал Замятин и где занимаются ловлей крабов. Подобный же пример стилизации встречается и в пьесе «Блоха», но здесь речь уже идет о русском пространстве (пьеса поставлена по мотивам сказа Н. С. Лескова «Левша»). Даже персонаж пьесы немец Кисельврде пытается казаться русским, используя в речи русские фразеологизмы, допуская при этом множество ошибок. Подробнее об этом пишет

А. Э. Павлова в работе «Фразеологические средства и приемы создания комического (на материале художественных произведений XX века)» [2015].

Выводы, сделанные в исследованиях Е. А. Жуковой, Н. В. Аксёновой и М. А. Хатямовой, И. Е. Поляковой, И. М. Поповой, А. Э. Павловой, позволяют говорить о Замятине не только как о приемнике смеховой традиции классической русской литературы, но и как о мастере стилизации. Он из разрозненных, на первый взгляд не связанных частей места, времени, языка, литературного текста создает уникальное пространство своих произведений, где комическое является связующим элементом. «Многофункциональное применение литературных знаков и кодов Е. И. Замятиным свидетельствует о том, что интертекстуальность является важнейшим компонентом поэтической системы художника» [Попова, 2003, с. 61].

Настоящее исследование призвано изучить влияние английского языка, пространства, сознания, английской литературы, английского юмора на специфику комического в творчестве Е. И. Замятина. Изучение «английских» повестей и романа «Мы» показывает, что писатель не только использует комические приемы классической русской литературы, но и добавляет значительную часть английского понимания юмора. Именно поэтому двусмысленность и недосказанность наряду, например, с гротеском и зооморфизмом, играют важную роль в создании комического эффекта в названных выше произведениях. Двусмысленность считается одним из наиболее примечательных элементов английской комической традиции, это «объясняется прежде всего краткостью среднестатистического английского слова и вероятностью фонетического совпадения (омонимии)». Этим объясняется феномен «квадратности» некоторых замятинских героев, описанный ранее в работе. Цитата из повести «Островитяне» служит иллюстрацией английского подхода к юмору: «К сожалению, ни одна машина не обеспечена от поломки, если в колеса попадает инородное тело. Так случилось однажды и с машиной викария Дьюли» [Замятин, 2003, с. 390]. В первом предложении речь идет о какой-то абстрактной машине (автомобиле), приведенной автором в качестве примера, а во втором предложении под словосочетанием «машина викария» подразумевается не автомобиль, а с машинной точностью выстроенный распорядок жизни Дьюли. Усиливается этот эффект тем, что «инородным телом», нарушившим распорядок викария, становится человек по фамилии Кембл, который действительно попадает под колеса автомобиля, а затем и в дом Дьюли. Иначе говоря, попав под колеса автомобиля, став причиной аварии, нарушения привычного хода вещей, Кембл попадает и в хорошо отлаженный механизм викария Дьюли, также его ломая.

Не только использование элементов комического, присущих английскому языку, но и диалог с английской литературной традицией играет важную роль в формировании антиутопического языка русского автора начала XX в. В «английских» повестях Е. И. Замятин добавляет элементы одного из самых необыкновенных литературных направлений родом из Англии – нонсенс. В литературе нонсенс включает в себя загадки, палиндромы, каламбуры; нонсенс схож с гротеском, сюрреализмом и дадаизмом. Заметным реверансом в сторону нонсенса отличается начало повести «Ловец человеков», которая уже своим названием отсылает к корням нонсенса – Дж. Свифту с его «Путешествиями Гулливера», в которых язык демонстрируется как что-то хаотичное, плавающее, трансформирующееся, на что нельзя опереться, а начинается произведение Замятина так: «Самое прекрасное в жизни – бред, и самый прекрасный бред – влюбленность. В утрен-

нем, смутном, как влюбленность, тумане – Лондон бредил. Розово-молочный, зажмурясь, Лондон плыл – всё равно куда» [Замятин, 2003, с. 484]. Наиболее интересным кажется сходство тематики «английских» повестей с идеями Эдварда Лира – одного из основоположников нонсенса, поэзии бессмыслицы, высказанными в его стихах:

There was an Old Man of Whitehaven,
Who danced a quadrille with a Raven;
But they said, “It’s absurd to encourage this bird!”
So they smashed that Old Man of Whitehaven
[Edward Lear, A Book of Nonsense, 1846]².

В этих стихах человек противопоставляется обществу, как и в знаменитых произведениях Е. И. Замятина: общество разбивает, уничтожает старика, ведущего себя абсурдно, не так, как они. Здесь «они» – это общество осуждающее, способное уничтожить личность. Для подтверждения этих слов обратимся к еще одному стихотворению автора:

There was an Old Man of Melrose,
Who walked on the tips of his toes;
But they said, “It ain’t pleasant to see you at present,
You stupid Old Man of Melrose”
[Edward Lear, A Book of Nonsense, 1846]³.

В данном случае обществом осуждается нестандартное поведение. Всего в четырех строчках описано тяжелое, злое давление: они – общество, против старика – я. Так же и у Замятина – человек, состоящий из квадратов, оказывается личностью, неспособной идти против правил по своей воле, личностью, зажатой в рамки, человеком, идущим, как паровоз по рельсам («Островитяне»). Гражданин с руками, похожими на клешни ракообразного, оказывается жадным охотником, ловцом человек, его дом с отметинами от стула там, где каждое утро завтракает он и где рядом с ним восседает его жена, пойманная в клетку этого холодного металлического пространства, изображающего границы, навязанные обществом («Ловец человек»).

Важная особенность как литературы нонсенса в целом, так и авторского языка Эдварда Лира в частности заключается в том, что само абсурдное положение героя – это не только осознанный выбор, это позиция, которую они готовы отстаивать. Как замечает Н. М. Абакарова в статье «О некоторых особенностях дискурса нонсенсов у Эдварда Лира» [2011, с. 42], «маски прирастают к лицу абсурдных героев, чудачества становятся их общественной позицией». Замятин продолжает эту традицию в «английских» повестях и в романе «Мы». Особенно это заметно в антиутопии русского писателя. Д-503 становится инородным элементом в обществе, он вынужден стать абсурдным, другим. Общество, в котором находится герой, нарекает его больным, а болезнь его – душа, фантазия. Его дневник – это отражение его души, проявление фантазии, с помощью этого атрибута он стремится остаться абсурдным, другим, больным. Таким образом, актуальная в Викторианскую эпоху тема противопоставления абсурдного, являющегося проявлением

² URL: <http://www.lear200.com/there-was-old-man-whitehaven> (дата обращения 28.10.2020).

³ URL: <http://www.lear200.com/there-was-old-man-melrose#:~:text=There was an Old Man of Melrose%2C,stupid Old Man of Melrose.%22> (дата обращения 28.10.2020).

внутреннего голоса человека, его чувств, души, обыденному, бесчувственному становится актуальной в начале XX в. Е. И. Замятин как будто вытаскивает на свет общественную проблему прошлого века, показывая, насколько актуальной она стала в его время.

В ходе исследования была выявлена особенность замятинского построения текста. Особенность эта заключается в том, что русский автор, создавая произведение, привязанное к определенному месту (Англия, российская глубинка и т. д.), наполняет его (произведение) персонажами, событиями, речевыми особенностями, привязанными к выбранному месту. В сущности, это кажется обычным явлением (логично, что в тексте об Англии персонажи будут англичанами). Важно то, что сам текст у Замятина формируется согласно литературным традициям места, о котором он пишет. Так, в произведениях, посвященных российской глубинке, встречается множество фольклорных аллюзий и реминисценций (например, богатырская сила Барыбы в повести *Алатырь*), а в «английских» повестях прослеживается вклад английской литературной традиции (связь с творчеством Г. Уэллса). Такие влияния заметны даже на уровне языка. Персонаж, привязанный к тексту о русской глубинке, согласно авторскому подходу, будет говорить по-русски и использовать исконно русские пословицы и поговорки, не являясь при этом русским. В произведениях, связанных с Англией (но написанных на русском языке), широко используются английские приемы создания комического (игра слов, двусмысленность, недосказанность).

Говоря о поэтике комического, учитывая вышесказанные особенности построения Замятиным текста, можно сделать вывод о том, что в поздних работах автора («английские» повести, роман *«Мы»*) сильно влияние как русской, так и английской литературной традиции. Безусловно, Е. И. Замятин идет по стопам русских классиков, поэтому такими важными в его поэтике комического остаются зооморфизм и гротеск. Отличительной особенностью является то, что в сочетании со следованием русской традиции комического автор в той же мере использует и английский подход к созданию смешного. Наиболее примечательной здесь видится связь с английским нонсенсом, представляющим собой на первый взгляд абсурдную историю, но, по сути, высмеивающим социальные пороки. Так получается уникальный замятинский текст, наполненный английским юмором, английскими персонажами, именами, названиями, но остающийся при этом продолжением русской литературной традиции.

Связь с жанром нонсенса только намечена в данной работе. Эта тема кажется значимой для понимания творчества русского «англичанина» и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

- Абакарова Н. М.* О некоторых особенностях дискурса нонсенса у Эдварда Лира // *Культурная жизнь юга России*. 2011. № 3 (41). С. 42–44.
- Аксёнова Н. В., Хатямова М. А.* Г. Уэллс в рецепции Е. И. Замятина // *Сибирский филологический журнал*. 2014. № 1. С. 117–124.
- Гольдт Р.* Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е. И. Замятина. Наблюдения над цензурными искажениями пьесы *«Атилла»* // *Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 1996. № 2 (II). С. 322–350.

Жукова Е. А. Традиции русской смеховой культуры в творчестве Е. И. Замятина // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6 (62). С. 100–106.

Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Рус. книга, 2003. Т. 1: Уездное. 608 с.

Павлова А. Э. Фразеологические средства и приемы создания комического (на материале художественных произведений XX века) // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: Сб. докл. II Междунар. науч.-практ. заочной конф. / Под ред. А. В. Гумерова. Казань, 2015. С. 105–109.

Полякова И. Е. Традиции русской народной потехи в прозе Е. И. Замятина // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 4 (72). С. 158–164.

Попова И. М. Литературные знаки и коды в прозе Е. И. Замятина: функции, семантика, способы воплощения: Курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2003. 148 с.

Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2004. Т. 1. 512 с.

Шеллинг Ф. Философия искусства / Под ред. С. С. Аверинцева. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Aksenova N., Khatyamova M. Zamyatin's Reception of Wells's Fiction // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2017. Vol. 19, no. 1. P. 1–9. DOI 10.7771/1481-4374.2779

Frye N. Varieties of Literary Utopias. *Daedalus*. Varieties of Literary Utopias // *Daedalus*. 1965. Vol. 94, no. 2. P. 323–347.

References

Abakarova N. M. O nekotorykh osobennostyakh diskursa nonsensov u Edvarda Lira [About some features of Edward Lear's nonsense discourse]. *Cultural Studies of Russian South*. 2011, no. 3 (41), pp. 42–44.

Aksenova N. V., Khatyamova M. A. G. Uells v retseptsii E. I. Zamyatina [H. Wells at the reception of E. I. Zamyatin]. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 1, pp. 117–124.

Aksenova N., Khatyamova M. Zamyatin's Reception of Wells's Fiction. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2017, vol. 19, no. 1, pp. 1–9. DOI 10.7771/1481-4374.2779

Frye N. Varieties of Literary Utopias. *Daedalus*. 1965, vol. 94, no. 2, pp. 323–347.

Gol'dt R. Mnimaya i istinnaya kritika zapadnoy tsivilizatsii v tvorchestve E. I. Zamyatina. Nablyudeniya nad tsenzurnymi iskazheniyami p'esy "Atilla" [Imaginary and true criticism of Western civilization in the works of E. I. Zamyatin. Observations on the censorship distortions of the play "Attila"]. *Russian studies. Ezhekvarial'nik russkoy filologii i kul'tury*. 1996, no. 2 (II), pp. 322–350.

Pavlova A. E. Frazеологические средства и приемы создания комического (на материале художественных произведений XX века) [Phraseological means and techniques for creating a comic (based on the material of works of art of the 20th century)]. In: *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk: Sb. dokl. II Mezhdunar. nauch.-prakt. zaochnoy konfer.* [Modern problems of social sciences and humanities. Collection of reports of the II Intern. sci. and pract. corr. conf.]. A. V. Gumerov (Ed.). Kazan, 2015, pp. 105–109.

Polyakova I. E. Traditsii russkoy narodnoy potekhi v proze E. I. Zamyatina [Traditions of Russian folk amusement in the prose of E. I. Zamyatin]. *Tambov University Review. Series Humanities*. 2009, no. 4 (72), pp. 158–164.

Popova I. M. *Literaturnye znaki i kody v proze E. I. Zamyatina: funktsii, semantika, sposoby voploshcheniya: Kurs lektsiy* [Literary signs and codes in E. I. Zamyatin: functions, semantics, ways of implementation: A course of lectures]. Tambov, TSTU Publ., 2003, 148 p.

Shelling F. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. S. S. Averintsev (Ed.). Moscow, Mysl', 1966, 496 p.

Teoriya literatury: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy: V 2 t. [Literature theory: Textbook. manual for stud. philol. fac. higher. study. institutions: In 2 vols]. N. D. Tamarchenko (Ed.). Moscow, Akademiya, 2004, vol. 1, 512 p.

Zamyatin E. I. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Coll. works: In 5 vols]. Moscow, Rus. kniga, 2003, vol. 1: Uezdnoe [County], 608 p.

Zhukova E. A. Traditsii russkoy smekhovoy kul'tury v tvorchestve E. I. Zamyatina [Traditions of Russian laughter culture in the work of E. I. Zamyatin]. *Tambov University Review. Series Humanities*. 2008, no. 6 (62), pp. 100–106.

Информация об авторе

Дмитрий Леонидович Быстренков, аспирант

Information about author

Dmitry L. Bystrenkov, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 24.09.2021;
одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 24.09.2021;
approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 10.11.2021*